

Облака, всё подвижное и неподвижное он создал размыленным. Мокшадхарма

Известно, что художники-литераторы, творившие в годы правления императора Му (335-361), жили в эпоху насилие и скорби. И для того, чтобы сохранить силу духа, они объединились вокруг именитого каллиграфа Ванна Сичжи в Павильоне орхидей. Ван Сичжи, удалившись от чиновничьих обязанностей, поселился в загородном доме в окрестностях городка Шаньнинь. Этот домик был приподнят островком над потоками двух рукавов реки Чжэцзян, среди лесистых гор, облачных туманов, цветочных полей и прочих красот, свойственных той местности. Его-то хозяин и назвал Павильоном орхидей. Здесь сорок один литератор построил свой удивительный мир, где можно было создавать удивительные живописные и каллиграфические произведения, играть на цине, петь и распивать вино, беседуя друг с другом. Ну и, конечно, слагать стихи во вкусе прежних поэтов.

*Вдруг ты спустилась,
будто при закате,
Я замер с орхидеями в руке...
Как грязен мир,*

*как слеп и неразборчив!
Там губят все и завистью живут.*

(Цюй Юань)
В семьях просвещённых сословий древнего Китая выращиваемые в доме орхидеи передавались из поколения в поколение от отца к сыну наряду с фамильными портретами, шедеврами поэтов-каллиграфов и ритуальными одеяниями.

Безусловно, во многих культурах цветок символизирует красоту, молодость, невинность... Но в Китае цветок орхидеи соединяется с таким понятием, как духовное совершенство. Сравнение человека с цветком – эквивалент дифирамба. А вместе с тем этот образ прикасаётся к идее временного, преходящего, он напоминает о скоротечности человеческой жизни и неотвратимости расставания с ней.

*Я на ранней заре
орхидеи срываю в саду,
Боясь, что их шней
погубит морозной порою.*

(Се Линьюнь)
То, что переводчиком представлено словом "орхидея", в китайской поэзии, как правило, обозначается иероглифом "лан" и означает вполне конкретное растение – цимбидиум. Цветки некоторых видов этой орхидеи с цветоножками, помещенными в пробирки с "физрастором", можно увидеть в цветочных магазинах. Родина некоторых цимбидиумов – именно Китай (Cymbidium ensifolium, Cymbidium eburneum), где их аромат искони признавался восхитительным. Конфуций, так тот вообще называл лан императором благоуханных цветов. Между прочим, иероглиф "lan" имеет много значений, например – "убежище", "сближение", он используется и как глагол, означающий "остановить зло".

*У троп прозрачных
брожу в заповедных краях.
Отяжелев любовь,
Всё дальше плыву по реке.
Пронесётся мимо
затонны в цветах орхидей.
Высокие горы,
покрытые мхом, – вдалеке.*

(Се Линьюнь)
Примечательно, что образ орхидеи, вполне традиционный для китайского классического искусства, в особенно трагические для народа годы приобретает значение охранительного знака, едва ли не магического амулета, способного изгонять воздействие на душу чуждых, недобрых сил, исцелять её. Ещё одно значение многоцветного символа орхидеи – нравственная крас-

сота человека. А ведическая мудрость, даже преломленная сквозь модернизм буддийско-даосских представлений, тесно связывает нравственную красоту с подвижничеством. Чжан Чао (XVII век) уже в эпоху, называемую средневековьем, писал: "Орхидея доносит до нас прелести отшельнической жизни".

*Смеркается,
И ветер всё сильнее.
Наутро солнце
Скроет облака.*

Виталий АМУТНЫХ

*Зачем ты, путник,
Ищешь орхидею:
Недолговечна
Красота цветка.*

(Се Тяо)

Служители Павильона орхидей, жили в эпоху насилие и скорби...

Следует заметить, что образ орхидеи посетил русскую литературу (пожалуй, впервые) также в эпоху жестокой, эпоху больших скорбей... То был рубеж XIX-XX веков, когда разрушался сам миропорядок, когда все его опоры – религия, сословная этика и даже традиционный быт подтачивал шашель эсхатизма. Но излом лепестка орхидеи, признаваемый китайским философим-поэтом бесценной частицей великого целого, символом простоты, чистоты, благородства, нашим так называемым Серебряным веком воспринимается совсем иначе. В цветке орхидеи жрец модернизма видит отнюдь не портал в гармонию, но напротив – воспринимает его ядовитым, нервным, театральным-балетным, пожалуй, даже истерическим персонажем. Вспомним хотя бы эти строки Черубины де Габриак:

*И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.*

Припомним жеманный декаданс дома Рябушинского на Малой Никитской или какую-то... колючую орхидею Врубеля. Нет, такой цветок вряд ли способен приблизить вас к совершенству, вдохнуть в ваше сердце радость и умиротворение. Если уж это не откровенный символ зла, то, во всяком случае – эмблема сладострастия, экзальтации, возможно – болезненности...

*Идем: я здесь!
Мы будем наслаждаться, –
Играй, блуждай в венках
из орхидей,*

*Тела сплетать,
как пара жадных змей!*

(Валерий Брюсов. Предчувствие)
А с другой стороны, стоит ли удивляться тому, что в Европе орхидеи искони считались какими-то... развратными цветами? Стоит ли удивляться, если само название "орхидея" – производное от греческого "орхис", обозначающего парную мужскую половую железу – тестикулы. Дело в том, что на просторах древней Греции и некоторого количества средиземноморских стран, что на каком-то историческом этапе и замыкало горизонт той цивилизации, произрастали (как и сейчас произрастают) небольшие, но совершенно очаровательные растеньица, в корневищах которых, образованных двумя клубнями, чувственные эллины распознавали сходство с тестикулами. И греки не первооткрыватели этой метафоры. Еще задолго до всяких древних греков она существовала у русичей. Невысокую травку с темными-зелеными листочками, разросшимися лиловыми разводами, со стрелкой розовых в пурпурных рынках цветочков, травку, имеющую цельные яйцевидные корневые клубни, на Руси называли ятрышником. "Ятры" на древнерусском – ... то же, что и "орхис" у греков.

И уже в этом контексте, согласитесь, совершенно иначе воспринимаются следующие строки Константина Бальмонта...

*Я был в тропических лесах,
Я ждал увидеть орхидею.
О, эти стебли тонко змеи,
Печать греха на лепестках, –*

*Того, что здесь грехом зовётся
Во мгле мечтанствующих дней.
О, гроздь жадных орхидей,
Я видел, как ваш стебель вьётся.*

*А потом ещё...
Как будто чей-то неясный рот,
Нежней, чем рот влюблённой феи,*

Павильон орхидей

*Вот этот запах орхидей
Пьянит, пьянит и волю пьёт.
(Константин Бальмонт. Орхидея)*

Да, всё-таки европейское восприятие мира роизится с востоком. Вот зарисовка некогда популярного в опре-

делённых кругах австрийского литератур-мистика Густава Мейринка. Вполне в духе манифеста Бретона. "Нет, нет – орхидеи не цветы, – они создания сатаны. Существа, показывающие нам только шупальца своего образа, в очаровывающем зрении красочном водвороте показывают нам глаза, языки, губы, дабы мы не подозревали их отвратительного змеиног тела, скрывающегося невидимо в царстве теней – и приносящего смерть". Жуть-то какая! Страшно подумать, чего, должно быть, натерпелся от этих злокозненных существ сам Густав.

У Герберта Уэллса в "Flowering of the Strange Orchid" мы даже встречаем орхидею, возмнившего себя кровозаживающим князем Валахии, растение-вампира. Правда, произрастает в облачных лесах западной части Эквадора, в Кордильерах Колумбии орхидея с устрашающим названием дракула вампира (Dracula vampira), имеющая треугольные цветы почти черного цвета. Но она абсолютно безобидна.

Возможно, мы не догадывались, но орхидеи растут повсеместно: от палестинских пустынь до канадской тундры, от душных береговых лесов Амазонки до холодного Тибетского плато. Орхидеи можно встретить в горах на высоте в 5 000 метров над уровнем моря, где они около полугода проводят под толстыми снежными одеялами в глубоком сне. Не исключено, что и вам приходилось встречать их в наших широтах, но под защитой скромной внешности им удалось остаться неузнанными. Это мог быть и кокушник, и скрученник, и тайник или наша луговая благоуханная белая звездочка – любка двулистая, известная также в народе под трогательным прозвищем "любим меня – не покинь".

"Небо и Земля – долговечны. Небо и Земля долговечны потому, что существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенному мудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными интересами? Напротив, он действует согласно своим личным интересам" (Лао Цзы).

Цветок орхидеи щедр. Щедр, как Небо и Земля. Нет, он не эфемерен, он, воистину, вечен, потому, что... потому, что существует не для себя...

*"Глывите!" молвила Весна.
Ушла земля, свернула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.
Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей...*

(Марина Цветаева)

Между прочим, настоящим гигантом среди орхидей считается грамматофиллум прекрасный (Grammatophyllum sresiosum). Его побеги достигают в длину, трех метров, а сам куст может весить полторы и более тонны. Трехметровые же цветоносы усыпаны желтыми цветами со сложным узором желтано-розовых пятен на лепестках, напоминающих загадочное письмо каких-нибудь шумеров или невероятные знаки брахми, за что растение и получило свое название: "gramma" – буква в переводе с греческого, "phyllon" – лист.

Однако гигантизм не самая характеристичная черта орхидей.

Чем же они знамениты прежде всего? Красотой, изяществом, неповторимостью... Всё верно. Однако важнейшее достоинство, круто выделяющее их от прочих представителей растительного мира, это, бесспорно, артистичность. Именно это качество возело вокруг орхидей столько толков, суеверий, а кое-кого побудило рассмотреть в них даже интеллект.

Но всего удивительнее – безусловный талант перевоплощения, лицедейства, а, может быть, и остроумного розыгрыша! Кого только не передразнивают орхидеи. То прикинутся яйцерицей, то изобразят мотылька, то сложат лепестки в подобие скорпиона или замаскируют свой цветок под старый, изъеденный червями гриб. Сему человеку, вроде, нашел объяснение: эдаким хитроумным обманом орхидеи заманивают опылителей. А зачем они иной раз представляются птицами, музезунами, маленькими человечками? Этого, надо быть, никто не знает.

Художники-литераторы, нашедшие убежище в Павильоне орхидей, жили в эпоху насилие и скорби... Горестно созвнать – те же невеселые настроения чаще стали посещать и наши дни. Так что и самому иной раз приходится искать защиты, умиротворения в неруковотном душевном Павильоне, воздвигнутом Ванном Сичжи и его друзьями. Иной раз ритмизованный слог порывается вослед за мастерами "поэзии садов и полей" отдать должное удивительному цветку орхидеи. Нет, это отнюдь не поползновение на стилизацию. Но попытка некоего созерцательного упражнения, позволяющего через объект малозначительный приблизиться к смыслу не сиюминутному, одинаково значимому для всех.

Приведу вот такой стихотворный эскиз, посвященный орхидею, известной под названием каттлея... Но прежде небольшой комментарий.

Если императором цветов в Китае назван цимбидиум, то королевами царства орхидей в Европе признаны каттлеи (Cattleya). Что ж, не исключено,

они имеют на это право. Когда европейец слышит слово "орхидея", он, как правило, представляет себе именно цветок, подобный цветку каттлеи.

Орхидея и, прежде всего, – царственная каттлея в Европе рубежа XVIII-XIX веков сделалась новым атрибутом власти, благополучия, счастливой беззаботной жизни, полной плотских утех. Ведь что названные на оленью жилу тигровые кльки, что золоченая карета, что драгоценный швейцарский хронограф, всё это всего лишь знаки, обладателю которых толпа позволяет смотреть на себя с некоторой долей презрения. Таким знаком, счастливой меткой, уважаемой эмблемой в определенный период стал цветок каттлеи. (В особенной мере была бледно-лиловая Cattleya labiata.) Великосветские магдалины, мессалины и прочие титулованные коммерсантки от нежной страсти просто обязаны стали, являясь на сколько-то знаменательное общественное собрание людей своего круга, припиливать цветок каттлеи к какой-нибудь части тела. Ведь явись она в "приличное"-то общество да без этого сигнала о своей состоятельности, другие тетки, счастливые обладательницы таковой отметины, просто стали бы смеяться и всячески глумиться над ней за глаза.

*Сверкает бал,
кружится в пьяном раже,
А скрипки воят: "Надо ярче жыты!".
Лиловая каттлея на корсаже
Судьбу поможет
счастливо решить.*

*Скорей, скорей!
Уж тает ночи сажа, –
Во всех глазах
лишь безразличья муть.*

*Лиловая каттлея на корсаже,
Мани! Не дай удаче ускользнуть!
.....
Как странен зал
наутро в тихом свете,
Пустой и не грустящий ни о ком!
Лиловая каттлея... на паркете
Расползана спешащим каблукон.*

Вот такая зарисовка, посвященная лиловому цветку... Но всегда особенное влечение испытывали люди к белым орхидеям. И этот порыв объединяет многие культуры, даже не догадывавшиеся о существовании друг друга. В Индии Бомзанг Момданг (Depdhoibot nobile album) и по сей день символизирует святость места, и при необходимости сорвать его цветы для украшения обрядовых действ необходимо предварительно заручиться его на то собственным согласием.

Действительно, есть в белых орхидеях что-то такое, способное у людей с подвижными воображением вызывать благоговейный трепет. Но из всех белых орхидей имеется одна, которую, пожалуй, можно назвать самой белой. Это целогина гребенчатая (Cologone cristata). Причиной тому особое строение верхнего слоя клеток на лепестках, благодаря чему на ярком свете они не просто производят впечатление исключительной белизны, но их поверхность как бы начинают светиться, сиять, подобно кахолону – белому фарфоровидному опалу или молочному диаманту. Об этой белой орхидее я попробовал отозваться так:

*Близ подножья
белоснежной Крыши Мира,
На плечах замишьялы валунов
Расцветают звёзды древних снов
Там, где некогда
сражался Юдхистхира.*

*Словно карма
просветлённого брамана –
Белизной замилуется цветок,
Источая сладкой сомы сок,
Лепестки там
расправляет целогина.*

*Вожделев люд увеселений, хлеба,
Тщетно суги брезжат
в чёрных днях...*

*Но проступят звёзды на камнях,
Чтоб воззвать:
познанные добрых – небо!*

Перед вами цветок... Такая малость, не правда ли? Многие ли он способен открыть искателю смыслы? Мудрец уверяет: "Не выходя со двора, можно познать мир" (Лао Цзы, "Дао дэ Цзин"). Действительно, ведь Божественный дух, Божественное значение отнюдь не упаковано в некую автономную структуру, но напротив – разлито повсеместно. "Нет такого места, где бы его не было. Оно пребывает в медведке и муравье, сорной траве и куколке бабочки, в черепице и кирпиче..." (Чжуанцзы). И добавим: конечно же – в цветке орхидеи.

Самое большое всегда умещается в малом. И все существование отражаются одно в другом. Так и удивительный цветок орхидеи – слабое, изначное создание – пробужденный творческим Божественным порывом, как и полёт облаков, бездны океанов, россыпи созвездий, сродни изначному слогу литератора, ибо источник у них один. Созерцая неповторимый излом лепестков орхидеи, по-своему осмысливая его суть, художник открывает своё сердце ритмам Вселенной. Вероятно, за преданность Пребывающему в истинном, Душе всех существ, Основе совершенного порядка, за верное Ему служение древние поэты были одарены открытием: любящая бесценными перлами природы, человек обретает кратчайший путь приобщения к Абсолюту.

Конечно, каждый творец использует свои средства выражения. А знаете, в Керале (Индия) даже существовало особое сословие, представителям которого доверялось плетение цветочных гирлянд для украшения в праздники храмов. Время сохранило для нас предания о мастерстве тех людей из Кералы. Виртуозность их рук была такова, что им удавалось сплести цветы в форме поэтических строф, восславлявших Верховного Архитектора Вселенной.

Да, согласен, в нашу эпоху трудно представить себе людей, сплетающих из цветов хвалы Создателю. И всё-таки, когда общество погружается в беспринципный прагматизм, тогда же появляются и люди, живущие напряжённо духовной жизнью. Конечно, такие индивидуумы в обществе ответных прагматиков неизбежно ощущают себя отверженными и вынуждены непременно пить чашу горечи, оплакивая развенчанную Любви, гибнущей от приверженности к мирскому. Откроем книгу Василия Васильевича Розанова "Уединённое". "На земле единственное "в себе самом истинное" – это любовь. Любовь исключает ложь... Гаснет любовь – и гаснет истина. Поэтому "истинствовать на земле" – значит постоянно и истинно любить". И тут же неровно приходит на ум утверждение Германа Гессе, что человек – это требование духа. А его жизненный путь – это вечное самостроительство, это постоянное "вочеловечение". Так пожелаем друг другу мужества, стойкости и способности не забывать, что мудрость – это не знание о ней, а непрерывное пребывание в истине.

Будем почаще вспоминать об этом в задушевном кругу, читая друг другу стихи во время вдохновенных прогулок по живописным, вечно переменяющимся окрестностям, обступающим наш крохотный, но незабываемый Павильон орхидей.

*Голосами свирелей
наполнился красный дворец,
Орхидеиный кубок
берёт просветлённый мудрец.*

*Благородством и славою
облени сегодишних пир,
И такого веселья
веками не видывал мир.*

(Се Линьюнь)

ЖИРАФА

Я в бинокль разглядел: да, вот оно Объедает с деревьев цветы – Фантастическое животное Изумительной красоты.

Миллионы лет эволюции, Совершенства причиной став, Сотворили почти революцию – В небо вытянув шею жираф.

Вот оно, это Чудо. Пасется! Я увидел сам наяву Мельтешение пятен солнца Сквозь оранжевую листву.

Сплошь расписанные узорами, Выше крон магнолий торчат Со своими жгучими взорами – Примадонны озера Чад.

Ничего нет в саванне лучшего Этих крохотных, прелестных лиц: Как печально глаза задумчивы, Сколь черны веера ресниц!

В жарком мареве Калахари, По зеленым волнам лесов Проплывают жирафы парами, Словно яхты без парусов.

Раскаленный воздух струится Над рекою и от реки... Смотрят вслед, из зарослей, львицы, Злобно скалящие клыки.

Бегемоты в болотцах плещутся, Бабуины орут в листве... Гордо шествует манекенщица В Доме Моды – у нас в Москве.

Чуть покачивает боками Существо заповедных сфер, И горят глаза телекамер, Как глаза голодных пантер.

Ах, какое красивое платье! Это просто сон наяву: Мельтешение солнечных пятен, Сквозь оранжевую листву.

Ткань, как марево, вся струится... Звонко цокают каблук... Первый ряд занимают львицы, Как бы спятвавшие клыки.

Золотой диадемой увенчана, Царственной и элегантной предств,

Дефилирует юная женщина, Длинноногая, как жираф.

Сам себе я шепчу: да, вот оно Воплощение моей мечты – Восхитительное животное Фантастической красоты!

ТАЙНАЯ РАСПЛАТА

Ещё пещерный обитатель мог, Как кавалер галантный и неробкий,

Тем сияющим жарким летом...

Михаил МАРТЫШКИН

Прида с охоты, вырезки кусок Преподнести какой-нибудь красотке.

Презент приняв и покраснев слегка, Любая первобытная девица Прекрасно понимала, чем и как Ей надлежит с мужжиной расплатиться.

И платит, платит до сих пор она! И так она щедро и так богата, Что слаще меда и пьяной вина Ночная эста, тайная расплата.

Но пусть бы ты богаче Креза стала, Мне всё равно всё мало, мало, мало!

ПОДРАЖАНИЕ

Сколь благородны древние поэты, И как охотно я признаю готов, Что о любимой женщине сонеты Пишу в манере старых мастеров.

Им подражаю я, изображая Ту, что милее всех земных мадонн, Но и любовь, по сути, подражание – Бесчисленным Влюблённым Всех Времени.

По кругу солнце ходит изначально. Циклический вечный бег валов морских. Сама природа не оригинальна, И не оригинален этот стих.

И лишь объятья женщины одной Меня всегда пленяют новизной.

ОВЧАРКА

*Лёне Сергееву,
большому знатоку собак и поэтов*

Был я эском когда-то. В лагере У Хозяина срок тянул. Как-то раз с лепилой поладил, и Замастырил он мне отгул.

Было лето. С громадными ливнями. И поэтому из доски Вдоль баракон, стоящих в линию, Были выложены мостки.

Как сегодня, я помню это: После ливня слегка парил

Тем сияющим жарким летом Золотой сосновый настил.

И я шёл по нему, как Мессия По колеблющейся волне...

... Рыже-палевая, очень красивая, Шла овчарка навстречу мне. То есть – шёл вертушкой с собакой.

Не по следу, а просто так. Навидался я в жизни всякого, В том числе – служебных собак.

Тех, что на человека натасканы. Только нужно, чтоб человек Озверевшим был и опасным, И при этом вонял, как экз.

Псы, колонуны сопровождаж Конвоируемых мужиков, Задыхаясь от злобного лая, Рвутся яростно с поводков.

Не овцу загонять в загородку! Пёсьей сущности вопреки, ЧЕЛОВЕКУ вцепятся в глотку Саблезубые те клыки!

...Может, есть во мне некая ЧАКРА, Может, я не горю в огне, Только грозная та овчарка Не признала эзка во мне.

По настилу стелиться стала, Чуть ли даже не поползла, И хвостом и всем телом виляла, Глядя радостно мне в глаза.

И без вертухайского спроса, Хоть была она на ремне, Ткнулась мокрым и чутким носом И лицо облизала мне.

Михаил МАРТЫШКИН

Двенадцать птиц слепил он – отчего-то, Придав фигуркам ярко-рыжий цвет... А месяц был Ниссан,

а день – суббота, И, значит, был на всякий труд запрет. Отец с улыбкой пожурил ребёнка, А тот в ответ заулыбался сам...

И вдруг, смеясь, в ладошки хлопнул звонко И закричал: – Летите! – воробьям? Защебетал! –

Взлетела птичек россыпь! И с изумленьем им глядели вслед Мать и отец – Мария и Иосиф... А город назывался Назарет.

ЯВКА С ПОВИННОЙ

И вопрошил Господь: – Каин, где брат твой Авель? – Каин ответил: – Не знаю. Разве я сторож брату моему? Ветхий Завет

В нашей зоне было двенадцать Двухэтажных баракон. В одном из них и я проживал, На втором этаже.

И произошло там однажды Обыкновенная драка, О которой через неделю И позабыл я уже.

Как оказалось – напрасно. Тот, коего я отмудохал, Впал в состояние, Характеризируемое как стресс.

И – будущи озлобленным И отморженным лохом, Мне решил отомстить! Как барону Данглару – Дантес.

Стал меня караулить. Под лестницей. Ночью. Но – курил... И учуял я вонь табака.

И когда он напал, Я оказался быстрее... Короче, Напоролся он пизом На острое жало клинка.

Но очень силен оказался в нём дух самурая!

Главный редактор Владимир БОНДАРЕНКО

Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт: denlit.ru
Служба распространения: 8-499-246-88-52
Электронная версия: http://zavtra.ru. Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Газета отпечатана в ЗАО Красноярская типография, г. Красноярск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000